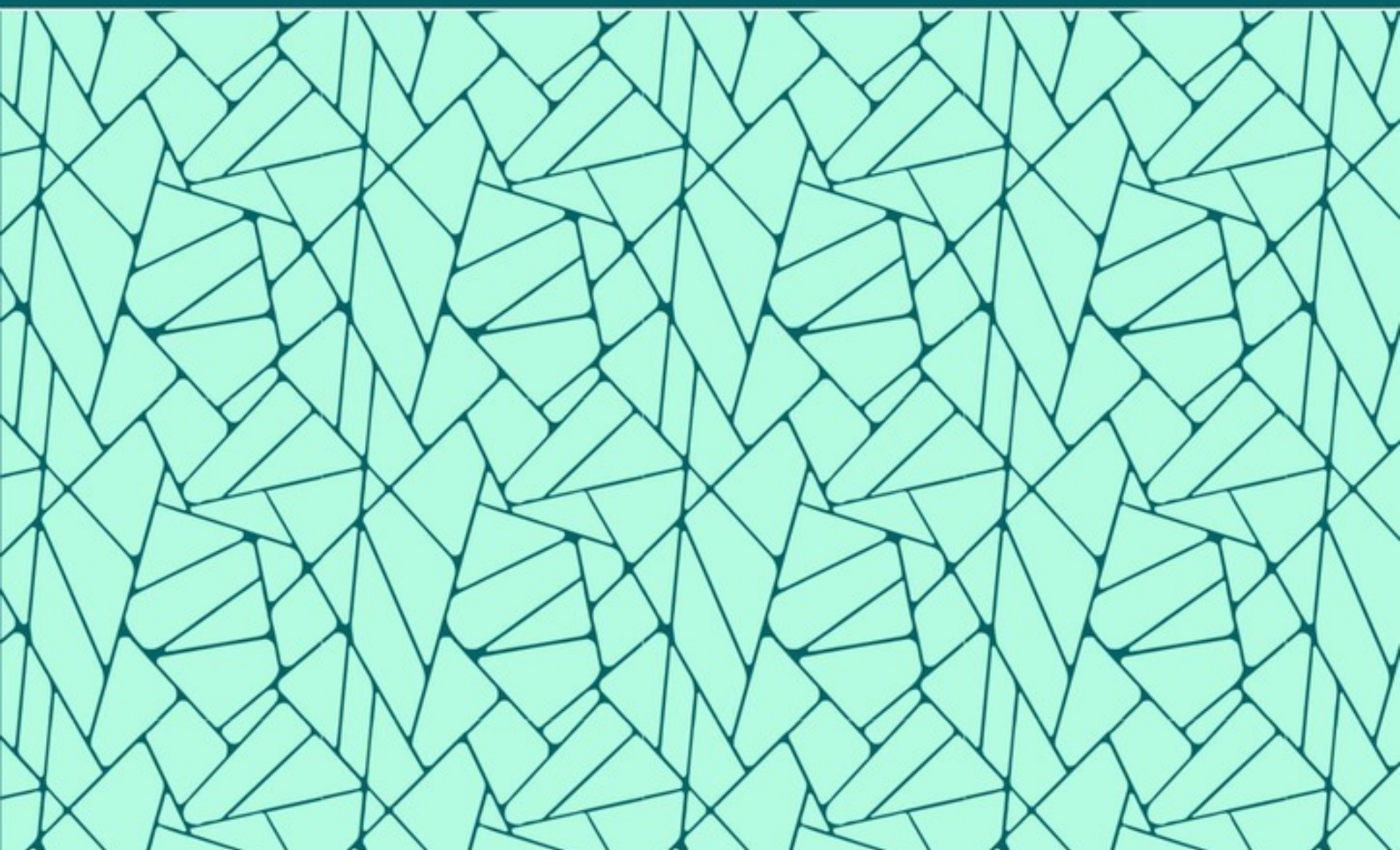

Арья Виш

*Ветром
по воде*

Сборник рассказов

Арья Виш
Ветром по воде

«Издательские решения»

Виш А.

Ветром по воде / А. Виш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504646-8

Сборник рассказов, куда вошло почти все — от коротких зарисовок до небольших рассказов, которые заставят вас задуматься. Добрые, светлые рассказы сочетаются с детективами, ужасами и ответами на философские вопросы — здесь вы увидите все и даже немного больше. Приятного чтения.

ISBN 978-5-00-504646-8

© Виш А.

© Издательские решения

Содержание

Падший Ангел или?	6
Лучи добра	8
Проклятье русалки	9
Сквозь сны	16
Плачь, обо мне река	18
Взгляд	20
Зеркала	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ветром по воде

Арья Виш

Редактор Светлана Олеговна Лебедина

© Арья Виш, 2019

ISBN 978-5-0050-4646-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Падший Ангел или?

Я видела, как изменились её глаза. Засветились изнутри светом, приобретая жёлтые искорки по краю радужки. Из уголков глаз текли слёзы, а она улыбалась. Правда, всего несколько мгновений.

Её нашли быстро. Не продержалась и нескольких дней. То-то же – не стоило нести всякую чушь с постаментов в глухую толпу. Сначала медики. Родители. Друзья. Говорили, говорили, убеждали. А затем – ОНИ. Её знание, её слова подтвердились. Она умела творить маленькие чудеса. И она была счастлива. Теперь её смогут слышать больше человек.

Я видела, как её нарекли пророком. Как все сильнее разгорались искорки в глазах. Ведь она была рада – нести открытие людям.

Чужие руки поместили нимб над головой, пририсовали крылья. Она больше не улыбалась, ведь её Слова меняли на ходу, поворачивая в нужную им сторону. Я говорила, остерегаться. Разве она меня слушала? Нет. Но дух борьбы и веры в ней был слишком крепок.

Я видела слёзы – не те, искренние и радостные, а полные боли и недоверия. Люди не слышали. Не хотели, не могли или не желали. Я видела, как гасли искры в её глазах. Как шевелились губы в пустой попытке вновь предостеречь.

– Я говорю, а они не слышат. Я бьюсь об их стену мелких проблем, – взгляд рассеянный, скользит сквозь меня. А из уголков глаз вновь текут слёзы боли. Я видела, как она трогает кончиками пальцев припухшую, саднящую скулу и морщится. Сегодня на неё поднялась рука. – Да я знаю, что большое складывается из малого. Но ведь то, что хотят они, и того больше, того малого, что я прошу. Любви ближнему, уважения. Они не слышат не только меня, но и друг друга. Слышишь?!

Я слышу. Но молчу в ответ, слушая сбивчивую исповедь упавшего ангела.

– Они все идут и идут. Воскреси, верни, исправь. Как же они не понимают, что первого я не могу, а второе и третье лишь зависит от них самих. Соверши чудо, – губы кривятся в грустной улыбке. – Чудо в них, а они похоронили его под горой обид и непонимания. Счастье в них не успеваешь проклянуться, как гибнет под гнетом ненависти и боли, что льется отовсюду. Неужели весь наш мир – такой? Боже, а ведь так было просто... Я так хочу научить и помочь, но как учить того, кто не хочет делать ничего сам, уповая лишь на меня? Я не Бог, я лишь проводник, – она машет рукой и отводит взгляд. Несколько минут стоит тишина и, кажется, что она сдаётся окончательно.

Погас нимб, опустились крылья. Я видела, как горько мерцали её глаза. Но нет, она встаёт, шуточно кланяется и вновь идёт вперёд.

Она вновь вернулась на парапеты, шептала, опустив низко голову. Шепот разносился по толпе, но лишь некоторые подходили ближе. Осмеянных не любят.

– А ты знаешь, – продолжает она наш прерванный разговор через несколько дней. – Я ошиблась. Не все люди разучились говорить и слышать. Хотя говорить то могут все... Да и то не всегда верно. Сегодня встретила паренька – молодой, в руках скрипка. Его музыка похожа на мои Слова. Я долго наблюдала. Лишь несколько людей остановились дослушать. И их глаза светились. Они слышали его. Не чудо ли разве?

Те, кто хотел слышать – слышали.

А люди... Люди давили, просили, кричали, ненавидели. Я видела, как она валилась с ног от усталости, но все равно поднималась на следующий день и шла обратно.

– Эти волны продолжают. Я не боюсь ни успеха, ни падения. Лишь не донести Знание. Любите, смотрите, слушайте и слыште. Я ведь не многого прошу. Из мелочей вырастает большее, – она устало опускается на пол и трет глаза, напоминая в этот момент ребенка. – Но с каждым днем неслышащих больше. Их сердца очерствели, а разум забит надуманными

проблемами. Они собираются толпами и прогоняют меня. Мне жаль их. Я могла бы до них достучаться. Но их толпа, и мой глас тонет в их гневном крике.

Круг слышащих не становился больше. Ее губы все реже посещала улыбка, а голос хрипел от попыток быть услышанной.

– А еще дети. Дети всегда чисты. Они еще не научились прятать сердце за броней. В их глазах я вижу те же искры. Как жаль, что в большинстве своем они гаснут. И как же хорошо, когда я вижу взрослых, с солнечными искрами в глазах, – она слабо улыбается. – Сегодня мне удалось поговорить на несколько минут дольше.

Толпы растут. Я вижу, как она безмолвно сжимает кулаки, а по вечерам тихо всхлипывает в подушку. Ей тяжело. Она пропадает на два дня, заставляя меня мучиться в неведении.

Когда она возвращается, я вижу в ее глазах свет. Нестерпимо яркий и брызжущий наружу.

– Я научила говорить и слышать две половинки целого. Они останутся здесь.

Она продолжала учить людей слышать себя и друг друга. Кто хотел – смог. Я видела, как она шла вперед снова и снова. Пока однажды не пропала.

Говорят, её все ещё можно найти в лесах, а отрывки записей всплывают иногда, появляясь из ниоткуда.

Говорят, слышащий человек всегда сможет найти к ней путь.

Я больше не видела её. Ведь я не смотрю больше в зеркала.

Лучи добра

– Мама, мама, а почему небо не падает? – слышится топот маленьких ножек по деревянному полу, и из-за стола выглядывает светловолосая макушка. – Папа сказал, это фи-зи-ка, – старательно выговаривает малыш, и я улыбаюсь. – И что я позже пойму. А я хочу сейчас!

– Иди сюда, – я откладываю шитье и подхватываю сына на руки. – Папа тоже прав. Но я, – подмигиваю, – расскажу тебе маленькую тайну.

Он радостно хохочет и цепляется ручками за шею, пока мы идем к выходу. Наш домик недалеко от поля, благо лето и мы живем в деревне. Отходим недалеко, до пригорка. Я стелю прихваченный плед и сажусь. Сын нетерпеливо ерзает и дергает за подол платья.

– Мама, скорей! Мне же интересно! Ну почему?

– Маленький почемушка, – я улыбаюсь и трюсь носом о носик малыша. – Смотри. Что ты видишь?

Он разворачивается и торопливо осматривается. Я прижимаю его спинку к груди и смотрю вместе с ним. Поле злаков перед нами чуть колыхнется от ветра, раскрашенное лучами заходящего солнца. Красота. Небо радуется теплыми цветами: рыжим, жёлтым, розовым. Давно я не смотрела на закаты... Как хорошо, что сейчас выбрались.

– Ничего, мам! – детский голосок звучит расстроено. – Наше поле, солнце и ко-лос-ки.

– Посмотри на солнышко, – я поглаживаю его по ручке, успокаивая, и продолжаю. – Видишь лучики?

– Да. Их очень много!

– Эти лучики тянутся к нам, вот сюда, – я касаюсь рубашки сына напротив сердца. – Они тянутся к нашей доброте, к нашей любви. Понимаешь?

– Да. Мам, а лучики не дают небу падать? А ночью как? Лучиков же нет? – он встревожено оборачивается. – Ночью небо упадет?

– Нет, маленький. Наше солнышко уходит от нас и идет к другим людям. Протягивает лучи к добру, которое есть в человеке, и не дает небу упасть.

Малыш чуть хмурится, обдумывая мои слова и, наконец, кивает.

– И пока есть на свете добрые люди, наше небо не упадет, – продолжаю я.

– А у меня много лучиков?

– А ты прищурься и посмотри, – предлагаю я.

Сын щурится, загибает пальчики, считая лучи, и ярко улыбается.

– Много! Я тоже держу небо! А у тебя, мам?

– Да, ты у меня умничка. И у меня много лучиков. А теперь давай отпустим солнышко. Твои лучики не пропадут, а оно пойдет еще людей искать, хорошо?

– Хорошо, – малыш серьезно кивает и машет вслед заходящему солнцу. – Пока, солнышко. А папе расскажем?

– Обязательно, – я встаю и протягиваю ладонь, за которую тут же уверенно хватаются. В глазах сына я вижу радость.

– Теперь я знаю, почему небо не падает, и буду держать его крепко-крепко!

Проклятье русалки

Ленивое шевеление воды едва колыхало водоросли на дне водоема. Русалка чуть шевельнула хвостом, взметнув облачко ила со дна. Ску-у-учно... День тянулся сегодня совершенно медленно. Солнечные лучи пронзали толщу воды, высвечивая то тут, то там дно озера. Она приподнялась на руках, лениво окидывая взглядом свои владения.

Вот пара интересных кувшинок, вот горстка разноцветных камешков, из которых можно складывать пирамидки... Но все равно не то. Неинтересно. Есть не хотелось, хотя перед лицом промелькнула пара-тройка серебристых рыбешек. Устроив голову на сложенных руках, русалка закрыла глаза.

Проснулась она от громкого плеска на другом конце озера. Что там опять? Опустилась ночь, и вода темным зеркалом прекрасно скрывала все ее движения. Она поднялась к поверхности, прислушиваясь. Обычно, если кто-то хотел покончить жизнь самоубийством, на берегу воцарялась тишина. Сейчас же русалка услышала обрывки разговора:

– Здесь и оставим... Не всплывет... Да, надежно...

Не утопленник, видимо. Самоубийца она откачивала, вытаскивая на берег и выдавливая воду из груди.

В этот раз человек баламутил воду активно, увлекаемый на дно тяжелым камнем.

Она перекусила веревку и прижала дернувшегося человека к себе. Наверху еще блестели отблески огней. Тот испуганно замычал и задергался сильнее. Пришлось стукнуть хвостом, чтобы спасенный поумерил пыл. Человек дергался все слабее, и она потянула его наверх, подмечая, что темнота вновь воцарилась над ее владениями.

Вспорхнули с веток напуганные надсадным кашлем птицы, и человек, опираясь на локти, дополз до травы, судорожно пытаясь выровнять дыхание.

Чьи-то руки, сжимавшие его в воде, тщетные попытки вырваться. Показалось? Он мотнул головой. Ну, как-то же веревка исчезла?

Плеснуло водой, и негромкий приятный голос спросил:

– Оклемался?

В лунном свете мелькнуло девичье лицо, а затем светило вновь скрылось за облаками. Что за чушь?

– Не шуми, вернутся, – он, видимо, вскрикнул. – Второй раз вытаскивать не буду.

Спасенный послушно затих, с хрипом выравнивая дыхание. Пелена перед глазами прошла, он поморгал, различая в неровном свете необычный силуэт. Большой плоский камень, кромка которого уходила под воду, и девичья фигура... Молочный свет луны расплавленным серебром лег на крупные чешуйки хвоста. Видя немое изумление, русалка усмехнулась, растянув губы в улыбке, и негромко рассмеялась, когда собеседник дернулся.

– Страшно? – смешок. – Лучше бы поблагодарил.

– Спасибо, – выдавил из себя тот.

– Так не благодарят, но так и быть, пока не буду требовать ответную услугу.

На несколько минут воцарилась тишина, когда Ориен рассматривал ничуть не стесняющуюся своей наготы русалку, которая лишь посмеивалась, ловя его короткие взгляды из-под ресниц.

– Налюбовался? – тот сразу же покраснел. – Чуть дальше по берегу есть небольшой грот. Можешь переночевать там. Селяне раньше любили там оставаться, может, найдешь что.

– Любили?

– Теперь не любят. Их пару раз пьяных чуть не унесло водой. Не люблю пьяниц, – сверкнули вдруг сузившиеся в щель зрачки. – Иди. Я слишком разговорчивая сегодня. Но ты и так

не вспомнишь обо мне поутру, – с тихим плеском русалка исчезла, оставив чуть дрожащего от холода Ориена на пустом берегу.

Проснувшись, Ориен не сразу понял, где находится. Он лежал, завернувшись в какие-то тряпки, а его одежда валялась на камне неподалеку. Он поблагодарил за то, что в его жилах течет наполовину эльфийская кровь, а то бы свалился с воспалением легких после ночных купаний. Иметь отца – темного эльфа – определенно хорошо, пусть мама и была человеком. Привстав, он нахмурился. Вчера было что-то, что сейчас мыслью билось в голове. Он ведь не сам выбрался... Его связали надежно, напоив перед этим сонным зельем, так что он даже толком сопротивляться не мог. Ледяная вода выбила пары зелья, но камень неумолимо тянул на дно, но внезапно тяжесть с ног исчезла, а самого его обхватили чьи-то руки.

Вот! Он похолодел, вспоминая, как потом разговаривал с русалкой. Почему она не убила его? Зачем спасла? И почему была так уверена, что он ничего не вспомнит?

Торопливо натягивая свою одежду, Ориен судорожно размышлял. Возвращаться обратно было нельзя. А вот поговорить с русалкой хотелось. Было интересно. Он направился к выходу из грота, прикрывая глаза рукой от яркого света. Небольшая дорожка отделяла пещерку от глади озера. Потрясенно выдохнув, он остановился, оглядывая раскинувшуюся перед ним гладь.

Озеро было огромным. Над серединой тянулся мост, откуда его вчера скинули. Ориен тряхнул головой, отгоняя наваждение, и нашел взглядом тот плоский камень. Пока все сходилось. Он прошелся по нему, присаживаясь на корточки. Вода, начинавшаяся от мысок его ботинок, поражала своей чистотой. Вместе с глубиной она набирала цвет, темнея и завораживая. Ориен неловко похлопал по воде ладошкой, откровенно чувствуя себя идиотом.

– Эй... Я тебя помню, – он огляделся, надеясь, что русалка все же выглянет, но ничего не происходило.

Опустил взгляд вниз, отнимая ладонь от поверхности, и вскрикнул, отшатываясь от воды. Из-под прозрачной глади на него смотрело застывшее лицо. Мертвенная бледность и неподвижность – лишь глаза ярко полыхали, подчеркивая тусклость кожи. Быстрым движением русалка перехватила его ладонь, впиваясь короткими ногтями в кожу и, напряженно вглядываясь в лицо, потянула на себя. Ориен дернулся, вырывая руку из жесткой хватки, и та дрогнула, мгновенно исчезая в глубине.

Не показалось! Не могло. Он потерял саднящие ранки. Только спугнул ее. Ориен негромко выругался. И как ее теперь обратно выманить? Горстка камешков довольно удачно попала ему под руку. После пятого гольша шестой прилетел ему обратно в лоб, заставив удивленно заморгать. Ясно. Камешками не бросаться. И вообще, лучше ничего не кидать. Можно самому в воду войти, но где гарантия, что она не утащит его на дно? Сорвав ближайший цветок, он бездумно тербил его, не замечая, как лепестки, подхваченные ветром, опускаются на воду.

– Я ведь не тебя испугался... Ты просто слишком резко появилась... Бесшумно.

– То есть надо предупреждать? – русалка склонила голову, рассматривая Ориена.

– Черт! – он отпрянул, только сейчас заметив вынырнувшую недалеко ундину.

– Нет, нет, стой! Просто опять внезапно. Д-да, лучше предупреждать.

– Предупреждаю, – она пожала плечами. – Что тебе надо от меня, настойчивый полукровка? На тебя мои чары забвения не подействовали.

– Познакомиться? – выдохнул Ориен, не придумав ничего лучше.

Русалка скептически выгнула бровь.

– Почему ты спасла меня вчера?

– Надо было оставить?

– Нет, спасибо, что спасла. Но... – он замялся. – Это ведь не в твоей природе. Ты должна была меня убить.

– А тебе очень хочется умереть? – она перестала улыбаться, окинув его грустным взглядом. – Только сам топись тогда.

– Услуга за услугу, – торопливо произнес Ориен.

– Что, утопить?

– Нет. Ты мне расскажешь про себя, а я выполню любое твое пожелание.

– Зачем тебе это?

– Все прошлые русалки пытались меня убить.

– А меня ты не боишься? – легкий наклон головы.

– Боюсь, – честно признался он. – Но ты меня не утопила вчера, и этот факт ставит все, что я знаю, под сомнение.

– Сумасшедший, что ли? Воды наглotalся вчера? – вдруг протянула русалка. – Или стукнула вчера ненароком? – она смерила его задумчивым взглядом. – Впрочем, я согласна. Услуга за услугу, все честно, – единым движением она оказалась около Ориена и заинтересованно наклонилась ближе. – Договор заключен. Что ты хочешь?

– Пообщаться с тобой. Узнать тебя лучше, – он пожал плечами и улыбнулся. – Ты будешь весь день выполнять мои просьбы и отвечать на вопросы.

– Хорошо, – ундина поджала губы.

– Для начала научишь меня плавать? И что мне нужно будет сделать взамен?

– Пока секрет. Ничего сверхъестественного, – русалка приблизилась, шурша чешуей по камню, и заглянула в глаза. – Ты действительно не умеешь плавать?

– Д-да, – Ориен с трудом отвел от нее взгляд и стянул через голову туннику. – Только просьба. Надень ее, пожалуйста.

– Зачем? Она будет стеснять движения.

– Иначе это будет отвлекать меня.

Пожав плечами, русалка накинула на себя одежду, с непривычки запутавшись в рукавах.

– Давай, теперь ты. Залезай в воду. Иначе как мне тебя учить?

Ориен покосился на глубину и, зажмурившись, соскользнул в воду, тут же начиная барахтаться. По бокам скользнули крепкие руки, удерживая на поверхности.

– Что ты, как лягушонок? – русалка недовольно фыркнула. – Не молоти руками, загребай воду, вот так, – она показала одной рукой, второй поддерживая его за талию.

– Ты слишком легко согласилась.

– Что? – ундина подняла голову.

– Ты слишком легко согласилась, – повторил Ориен, отлеживаясь на нагретом солнцем камне. – Это странно.

– Я вообще странная.

Они уже успели накупаться, рубашка на русалке, естественно, промокла и облепила тело ничуть не хуже второй кожи. Затея с одеждой не прошла. Ориен уже довольно уверенно держался на воде и сейчас наблюдал, как скользит по водной глади гибкое тело. Русалка была красива. Темные волосы отливали голубизной, словно выдавая ее природу. Голубые (под стать озеру) глаза завораживали.

– Да, странная, – кивнул Ориен. – Вообще чудо, что ты со мной разговариваешь.

– Чудо, говоришь... – русалка скользнула на камень рядом с ним, обдавая его россыпью мелких капелек. – Я совершенно не рада, что у меня есть сознание. Ты ведь сам сказал, что другие русалки обычно убивают, и сейчас я для тебя интересная игрушка и милая девушка, ведь так? – она улыбнулась, обнажая в улыбке треугольные зубы. – Не забывай, что я нежить. Я мертва и уже давно, а моя душа заточена в этом теле. Мне нет прощения, и я обречена на жизнь в этом озере. И меня ничуть не радует осознание всего этого. Я вообще не понимаю, откуда

я знаю все это, – она рассмеялась. – Что ты подумал, увидев меня? Что меня надо опасаться? Правильно. Что я красивое существо, вызывающее у тебя однозначные эмоции? – она резко покачала головой, грустно улыбаясь.

– Самоубийцы прокляты. Неужели ты не понимаешь, как становятся русалками? И я не знаю, благодарить мне Бога за частичку сознания или проклинать, – Ориен открыл рот для вопроса, но она взмахнула рукой, прерывая его. – Я больше не хочу говорить на эту тему, – соскользнула в воду. – Тебе стоит отдохнуть и обсохнуть. Как раз придумаешь следующее пожелание.

Этот разговор разбередил остатки чувств. Вновь проснулось отчаяние, и русалка опустила голову на скрещенные руки. Внутри все сильнее крепла уверенность в том, что ей попросить в ответ. Он полукровка, сильный, у него должно получиться. Искорка солнца пробралась сквозь толщу воды, освещая блестящие камешки вокруг. Русалка улыбнулась. Все должно получиться.

Когда Ориен открыл глаза, то тут же замер, боясь спугнуть мгновение. Когда и как он успел уснуть, он не помнил, но сейчас у него был, наверное, один-единственный шанс рассмотреть русалку более тщательно. Волосы, до этого однородно-темные от воды, сейчас рассыпались по плечам светло-синей волной, чуть завиваясь на концах. При жизни, скорее всего они были антрацитово-черные, с синими искорками на солнце. Бледная, мраморная кожа, изящные тонкие кисти, выглядывающие из рукавов его рубашки. И глаза. Затягивающая бирюза с примесью ярких искорок аметиста и всполохов кварца, все сильнее разгоравшихся при взгляде на него... Ориен поспешно отвел взгляд, понимая, что ундина знала, что он наблюдал за ней.

– А, правда, что у вас чарующий голос?

Русалка негромко рассмеялась, невольно заставляя сравнить смех с перезвоном колокольчика.

– Правда. Спеть тебе?

Ориен приподнялся на локтях, окидывая ее взглядом. Кажется, она уже не сердилась за тот разговор.

– Спой.

Смерив его задумчивым взглядом, русалка подтянула хвост, опираясь руками на камень позади себя, и, кинув еще один взгляд на Ориена, начала:

Есть такие дороги – назад не ведут.
На чужом берегу я прилив стерегу.
Паруса обманув, ветер стих навсегда,
Плоским зеркалом стала морская вода.

Русалка окинула взглядом застывшую гладь озера, коснулась пальчиками воды, пуская легкую рябь по зеркальному полотну, разрушая отражение.

Я по дну бы морскому навстречу пошла,
Только в компасе старом сломалась игла.
Парус стерся до дыр от палящих светил,
Да и ветер попутный меня невлюбил.
Ветер, брат ты мой, ветер, за что осерчал?
Хороню в себе боль и венчаю печаль.
Бурунами морскими пробежать нелегко —
Вспоминай мое имя, прикасайся рукой.
Третий год я зову – только эхо в ответ,
Обманул меня ветер, запутал твой след.

Только сталь твоих глаз не забыть никогда,
А в груди ледяная морская вода.
Обернуться бы лентой в чужих волосах!
Плыть к тебе до рассвета, не ведая страх,
Шелком в руки родные опуститься легко —
Вспоминай мое имя...
Ветер, брат ты мой, ветер, за что осерчал?
Хороню в себе боль и венчаю печаль.
Бурунами морскими пробежать нелегко —
Вспоминай мое имя, прикасайся рукой.¹

Чарующий голос затих, унося последние отголоски ветром вдаль. Ориен пару раз моргнул, сбрасывая с себя дурман чар, и русалка рассмеялась.

– Я не старалась очаровывать. Просто пела.

– Очень красиво... – ответил он негромко. – А я ведь так и не представился... Меня зовут Ориен.

– Приятно с вами познакомиться, – она шутливо поклонилась. – Есть желание поплавать еще?

– Да, давай закрепим навыки?

Вода приятно обволакивала тело, принося умиротворяющую прохладу. Русалка всплывала то тут, то там, помогая и страхуя. Вода ласкала, поддерживая мягкой подушкой. Вынырнув впереди, ундина смерила Ориена внимательным взглядом и потянула вниз, под воду.

Глаза не сразу привыкли к преломленному свету воды. Вдалеке испуганной серебряной искрой мелькнула стая рыбешек. Множество пузырьков, поднимавшихся со дна, сливались в причудливые переливы цепей и узоров. Русалка нетерпеливо потянула его вниз, отрывая от созерцания красот озера. Тот заработал ногами, следуя за ней.

Ничего интересного не было, да и грудь начинало сдавливать тяжелым обручем. Ориен повернул, собираясь всплыть, но она дернула его обратно, в ее взгляде читалось недоумение. Тот указал себе на грудь, имитируя вдох, и снова дернулся вверх. В глазах начало темнеть, и он не заметил, когда русалка оказалась совсем близко, прижимаясь губами к его губам. Ориен вздрогнул, приоткрывая рот от неожиданности. В легкие скользнул живительный кислород, разгоняя искорки перед глазами. Ундина наклонилась поближе, обхватывая его лицо руками, делая вдох вместе с ним.

Ошеломленное лицо вызвало улыбку у русалки и, щелкнув его по носу, она потащила вниз за собой. Гибкое тело немислимо изгибалось, бликовали чешуйки на хвосте, а гребешки на нем, невидимые на суше, переливались радугой в лучах солнца, пронизывающих воду. Наконец, они достигли дна. Небольшое углубление в берегу озера, маленькая оградка из камней, колышущиеся разноцветные водоросли. Она еще раз прижалась губами, передавая воздух, и потянула к одному из камней, отталкивая его хвостом и являя свои сокровища.

Горстки самоцветов, причудливые деревяшки, какие-то железные вещи, принадлежавшие жителям деревни. Ориен замер, разглядывая шкатулку, горстку монет и камни, явно драгоценные. Поверх лежал медальон с гравировкой: А. Л. Он бережно взял его в руки, разглядывая. Хотелось открыть, но он не решился сделать это под водой. Русалка аккуратно сомкнула его ладонь, заключая медальон в руке. Отдавая. Повела рукой, показывая на остальные сокровища, но Ориен покачал головой.

Сколько они еще бродили по дну, он не запомнил, вода потемнела, напоминая собой мглу ночи. Ундина обвила его руками, увлекая наверх. Свежий воздух ударил в голову, и Ориен

¹ Песня группы «Мельница» Лента в волосах

радостно улыбнулся. Солнце уже садилось, золотя воду постепенно гаснущими лучами. Растянувшись на нагретом за день камне, Ориен отомкнул медальон, разглядывая чудом сохранившуюся фотографию. Края ее слегка размылись, кое-где порвались, но основное изображение разглядеть было можно.

Девушка на фотографии застенчиво улыбалась, теребя край тугой косы. Строгое платье, букет цветов и те же глаза. Ориен потрясенно выдохнул, переводя взгляд на вторую половинку. Амира Лорейн

– Так... Тебя зовут Амира? – прошептал он, сжимая медальон в руке.

– Лучше Мира, – русалка пожала плечами.

– Зачем ты мне его отдала? – он с удивлением нахмурился.

– Отблагодарить, чтобы хоть кто-то меня помнил. Солнце заходит, пришло время тебе выполнить мое условие, – грустно улыбнувшись, она протянула ему кинжал. – Тебе нужно убить меня.

Пару раз моргнув, Ориен недоуменно уставился на русалку.

– Что? Ты сейчас пошутила?

– Нет, – она вложила кинжал ему в руку. – У меня нет другого пути. Я нежить и это мое наказание до конца веков, пока кто-нибудь меня не убьет. Самоубийц не прощают, и меня ждет чистилище. А потом моя душа будет свободна, – Мира светло улыбнулась. – И у меня будет шанс на перерождение.

– Почему я? Я не хочу тебя убивать! Я не буду! – Ориен отшатнулся, вскакивая на ноги и отбрасывая кинжал, словно ядовитую змею. – Ты с ума сошла!

– Ты полукровка, у тебя хватит сил. Да и мне бы хотелось умереть от твоей руки. Ты не будешь пытать меня или издеваться, а достойно проводишь в мир иной.

– Нет, – Ориен упрямо покачал головой, меряя взглядом сидящую рядом девушку.

– У тебя нет выбора, – Мира приподняла запястье, показывая на серебристую вязь рун. – Мы заключили договор с утра. Услуга за услугу. Весь день я выполняла твои желания, теперь мое условие.

– Мира... – Ориен присел рядом на корточки, обхватывая ее лицо руками. – Я не могу убить тебя, понимаешь?

– Можешь. Или мне нужно напасть на тебя, чтоб тебе было легче? – она с сожалением посмотрела на Ориена. – Я понимаю тебя. Но и у меня нет другого шанса, так что я не оставила тебе выбора. Время тебе – до захода солнца. Потом уже ты начнешь умирать.

Ошеломленный Ориен отступил назад шаг, другой, пока не уперся спиной в дерево и съехал по нему вниз.

– Зачем тебе это?

– Я хочу свободы. Я хочу жить дальше. У меня нет иной возможности. Я спасла столько жизней на этом озере, ты даже представить не можешь. Я думала, этим смогу искупить свою вину, – она покачала головой. – Ничего не изменилось. Я много размышляла над этим, и у меня нет другого выхода. Извини.

Ориен замер, шурясь на заходящее солнце: он судорожно размышлял, в поисках выхода из этой ситуации.

Алый диск почти скрылся за горизонтом, уступая место темному полотну ночи, когда Ориен поднялся с земли и подошел к Мире.

– Что я должен сделать?

Сидя у полыхающего костра, Ориен с болью вспоминал, как сидел так же у другого огня, где покоилось тело Мира. Она так попросила. Она улыбалась так светло и искренно, когда он

согласился. Последнее, что она сказала, было: «спасибо». Ориен сжал медальон в руке, отгоняя от себя видение, и неловко погладил по голове спящую рядом девочку, закутанную в его плащ. У нее были точно такие же глаза.

СКВОЗЬ СНЫ

С хрустом потянувшись, я села. Сегодня удалось поспать почти три часа. Еще через дней 5—6 можно будет брать новый заказ. Голова гудела с недосыпа. Что ж щедрые чаевые, оставленные за вывод последнего коматозника, грели душу и оттягивали карман.

Сыпанув в кружку третью ложку кофе, я душераздирающе зевнула и села проверять ленту. Пусто. Ну и хорошо. Все равно еще отойти надо.

Моя работа довольно проста на первый взгляд. Я проводник. И я вытаскиваю людей из комы. Они запутались в своих снах, видениях, подсознании, называйте как угодно. Прийти, найти, вывести. Конечно, бывали случаи, когда заказом становился уже мертвый человек. После таких меня ненавидели.

Называли ведьмой, тварью и чертовым отродьем, попадая, впрочем, только с первым. Иногда мне казалось, что их проклятья нашли свой выход, забирая у меня сон. Бессонными ночами меня изводили эти мысли. Однако, сейчас я воспринимаю это как плату. Изматывающую, но плату.

Улыбнувшись, я завалилась обратно на постель, надеясь хоть подремать. Сладких снов...

Коридор вокруг меня пульсировал, змеился вперёд бесконечной лентой. Я торопливо обернулась назад, но увидела лишь исчезающую во вспышке дверь. Вот черррт...

Вдохнув, выдохнув, я вспомнила, что я ведьма, что я умею выходить из коридоров и это моя работа! Главное, не оглядываться.

Осторожно потянула первую дверь на себя. Детский сад. Огороженная комнатка и маленькая девочка в углу, отгорожена заборчиком и что-то строит из игрушек. Я слышу голоса воспитателей.

– Вот, им тут не место! Она странная!

– Ей стоит умереть! – подхватывает другая и смотрит на меня.

Сейчас, бегу и падаю. Иду мимо них, направляясь к двери напротив. Уже вслед мне летят грязные ругательства. Или не мне. Ведь девочка эта – первая, кого я вытащила.

– Лини, – всхлипывает она, и я сжимаю зубы. С Юлей все хорошо, она ко мне завтра зайдет.

Поэтому я открываю дверь и шагаю в темное помещение.

Самое страшное, когда человек перестает бороться. Когда я прихожу слишком поздно.

Комната вокруг меня сжимается. Когда человек сдаётся, он умирает. И я умирала вместе с ним. Я все еще помню, как пыталась достучаться, вытащить, а коридор вокруг меня пульсировал, сжимаясь багровым водоворотом. Человек в углу скулит.

Нет, не утянешь за собой. Я не буду тратить время. Дверь сливается со стеной, не поддается, пока я с размаха не пинаю ее и не вываливаюсь в коридор. Теперь впереди лестница.

Сорок этажей. Сорок этажей я поднималась, стучась в каждую дверь и в каждое окно. Ни одна не открывалась.

Ноги подгибались, дрожали, и я опустилась на площадку сорок первого этажа напротив балкона. Дверь его тоже была заперта.

Хотелось побиться головой о стенку. Помощники не призывались, стены отталкивали, а лестница все не кончалась.

На балконе мелькнула темноволосая макушка и направилась к краю. Я вскочила, не обращая внимание на взывшие ноги. Мальчик уже уверенно поднимался на бортик. Дверь под моим напором хрупнула, и я обхватила детское тельце, дёргая на себя.

Ребенок в руках дернулся, но я шикнула, усаживая его на бортик проема внутри и утыкаясь лицом ему в живот. Меня трясло, а по щекам текли слезы.

– Нет, нет, нет! Только не так! – я крепко вцепилась в мальчугана.

Я чувствовала, как меня потряхивает от отпускающего напряжения. Самое страшное для меня – вытаскивать детей. Видеть их отчаявшимися. Не успевать к ним, ведь у них меньше всех сил бороться. Мальчик прижался ко мне, и я равно выдохнула, успокаиваясь.

– Я думал, ты не придешь, – отозвался он. – Тебя долго не было, – детская ручка погладила меня по волосам. – Отведешь меня домой?

– Да, пойдем, – я подняла глаза, отыскивая новую дверь и крепко прижимая мальчика к себе. Та приветственно распахнулась, и я улыбнулась.

В этот раз я успела.

Плачь, обо мне река

Я пела. Поджав под себя ногу и перебирая кончиками пальцев струны гитары. Вокруг тихо шумела вода. В мире царила тишина, нарушаемая лишь моим голосом. В отдалении уже слышались голоса и всплеск воды. Я прикрыла глаза, представляя тишину и братика рядом.

* * *

Я пела, сколько себя помнила. Мама часто говорила, что мне нравилось выводить замысловатые мелодии, рулады, валяясь в колыбельке и засунув пальчик в рот. Даже видео показывала.

Пела, будучи маленькой, заменяя слова и картавя. Потом сочиняла песенки сама. Была «маминой певицей», чем очень гордилась.

Пела маленькому братику колыбельные, вторя мамину голосу.

С накопленных карманных денег купила подержанную гитару, с которой не расставалась, казалось, даже во сне. Училась играть, стирая пальцы в кровь. Создала свою школьную группу.

Музыка наполняла всю мою жизнь. Я мыла посуду и пела, мурлыкала по дороге в магазин, писала тексты и радовала родных концертами. Казалось, что даже сердце стучит в ритм выбранной мной песни.

И оно остановилось на миг, когда музыка в любимых наушниках оборвалась, а по городу прокатилась первая волна землетрясения. Как я потом узнала – спровоцированного. Подхватив братика на руки, я рванула прочь от зданий.

Вторая волна повалила нас с ног, а здание аптеки просело. Я ободрала руки и колени, но не дала удариться мелкому. Домой бежать было нельзя. Наш дом тоже мог упасть.

Ночь мы провели в поле, недалеко от леса, на все еще вздрагивающей земле. Всю ночь я пела братику колыбельные, до хрипоты, лишь бы не видеть его слезы.

Дома родителей не оказалось. Ни записки, ничего. Я оставила записку, что мы будем на нашем месте – в летней беседке в лесу, которую построил папа. Я захватила еды, набрала воды из-под крана. Подумав, взяла гитару – та могла неплохо отвлечь, а после послужить дровами, и вернулась обратно к брату.

Почему мы не пошли в дом – не знаю, но это оказалось правильным решением. На следующий день квартира была перевернута вверх дном, а на столе лежала вырезка из газеты – ликвидация всех взрослых и сбор детей. Дальше шел адрес и приказ явиться в течение суток.

Я соврала, что родители ушли за продуктами и просили нас дожидаться. Ночью я беззвучно плакала, прижимая к себе братишку.

Мы продержались недолго. Лето уже закончилось, и в сезон дождей братик слег с простудой. В хрупком тельце жизнь не продержалась долго, несмотря на все украденные мной лекарства. Это был конец.

Некому было больше петь задорные песни.

Любить, нежить.

Нести на руках.

Играть.

Спасать. Потому что не смогла. Проиграла смерти.

Ночи не было. Я завернула его в одеяльце, раздобытое в охотничьей сторожке, и ушла к реке. Долго сидела на берегу, укачивая на руках и прося прощения. Все хотелось верить, что это сон. Что он откроет глаза и улыбнется. Что это игра. Что он жив.

Я захлебывалась в рыданиях, не в силах отпустить его. Просила вернуться. Не оставлять одну.

Ночь подходила к концу, когда я нашла в себе силы опустить его в воду. Прощай... Передавай привет родителям. Я тоже скоро буду с вами.

Я пела. Поджав под себя ногу и перебирая кончиками пальцев струны гитары. Вокруг тихо шумела вода. В мире царила тишина, нарушаемая лишь моим голосом. В отдалении уже слышались голоса и всплеск воды. Я прикрыла глаза, представляя тишину и братика рядом.

Поднимался туман, и мой голос плыл над водой, теряясь в нем. Шаги слышались уже ближе, новая власть собиралась строить новый мир только с детьми. Как с чистого листа. Ведь с детьми легче всего.

Река-река, далеко до моря,
Река-река, звала за собою,
Расскажешь, как добраться домой?
Ведь ты, река, звала за собою
Меня.

Шаги все ближе. Они даже не скрываются. Голос не дрожит, лишь пальцы не слушаются. Братик, подожди. Скоро и я буду рядом.

– Анна Мелехова, восемнадцать лет?

– Да.

– Егор Мелехов с вами?

– Нет, – я качаю головой и вновь возвращаюсь к гитаре.

Как была горем – теперь обернусь бедой,

В небе три зори, а мне не видать одной.

Полны тоскою кисельные берега,

Плачь молоком своим, плачь обо мне, река.

– Извините, у нас приказ, – я киваю. Всех совершеннолетних тоже убивают. Я знаю.

Река-река, далеко до моря,
Река-река, звала за собою,
Расскажешь, как добраться домой?
Ведь ты, река, звала за собою
Меня.

Я еще успеваю поднять взгляд на офицера. Выстрела я уже не слышу.

Взгляд

– Нам всем нужно, чтобы на нас кто-то смотрел, – внезапно проговорил Павлик, не отрывая от меня своего рассеянного взгляда. – Я буду смотреть на тебя.

Я сглотнул, не понимая, что ждать от вечного чудака нашего класса. Наконец, выбрал самый простой вариант и крикнул:

– Уходи! Не надо на меня смотреть!

У меня и так были проблемы с друзьями, а дружба с местным изгоем не подняла бы меня выше. Торопливо закинув учебники в рюкзак, я сбежал.

Всю следующую неделю я держался. Не обращал внимания на жгущий мне спину взгляд. Впрочем, мне не сильно помогло – мальчишки все равно заметили, и причин высмеивать меня прибавилось. Чудаку приглянулся! Вот еще... Мало того, что шептались, что он аутист, так начну с ним дружить, и меня к ним припишут!

Я ненавидел его всей душой. Мало того, что он сам странный, так и меня тянет! Я дождался, когда все уйдут, обернулся на послышавшиеся сзади шаги и гневно закричал:

– Что тебе надо от меня?! Какого черта ты за мной ходишь, как привязанный?! – я хотел добавить еще чего-нибудь едкого, но увидел протянутый мне пенал. Мой.

– Ты забыл, – Паша положил его на парту около меня и закинул свой рюкзак на плечо.

– Спасибо, – растерянно произнес я. Злость внезапно улетучилась.

– Ты другой, – уже в дверях обронил тот и вышел, помахав мне рукой.

Этот момент я позже окрестил моментом началом дружбы. Не скажу, что она началась легко и быстро. Я психовал, избегал его, пытался дружить с «нормальными», но оставался в итоге один, с молчаливым Пашей за спиной.

Он был умным. Но он пришел к нам в пятом классе и отличался от остальных. Почти никогда не смотрел в глаза, а иногда и вовсе выпадал из разговоров. Его не интересовали футбол или посиделки во дворах. Он не смеялся над нашими шутками. Зато он читал книги и собирал модели кораблей. На том мы и сошлись.

Поначалу я дергался, не понимая его мотивов – ну почему он выбрал меня? А потом как-то добился от него развернутой речи про меня:

– Никогда не кричал. Умеешь слушать. Читаешь. Помог девушке. Не идиот, – он поднял на меня глаза. – На тебя хотелось смотреть.

Нам было лет по пятнадцать, и я уже привык к его немногословности. К тому времени я уже не раз убедился, что наша дружба стоила того, и не обиделся на «не идиота». Хотя мне, конечно, хотелось более глубокую характеристику.

Вместе было легче обороняться от нападок одноклассников, решать задачи, собирать корабли. Мы даже разговаривали о них и книгах – единственное, о чем он мог говорить долго.

На его день рождения я притащил ему новую модель корабля и кривую, сделанную своими руками открытку. За неё мне было дико стыдно, но мама настояла, что раз уж сделал – дарить.

Он тогда впервые мне улыбнулся. Погладил паруса из кусочков ткани и пожал руку.

Шли годы. Мы закончили школу, а затем и университет. Дружба наша не кончилась, хотя и подвергалась серьезным испытаниям. И, сидя за одним столом, мы вновь вспоминали пройденные годы.

– Паш, – я отложил в сторону вилку и спросил: – А почему ты тогда сказал, что всем нужно, чтоб на них смотрели.

– Это не я, – покачал головой тот. – Это мама. Если на человека смотрят, значит, в нем нуждаются. Взглядом можно выразить много эмоций. Мы тянемся ко взгляду. Так она говорила. И пока на нас смотрят, нам хочется быть. Это ведь внимание. А ты единственный, кто

смотрел на меня, как на человека, – он сжал мое плечо. – Тогда я решил, что тоже буду смотреть на тебя. И не ошибся.

Зеркала

Оно шевелилось! Я... я видела! Видела же? Что-то шагнуло ко мне из темноты. Черт! Просто глюки.

Осколки разбитого зеркала отражали потолок и краешек стены. Больше ничего. Но сердце все равно билось в груди, как сумасшедшее.

Нет, я не могла ошибиться. Я видела себя. Да, себя. Но меня же не могло быть две! Всхлипнув, я сжала дрожащие пальцы и попыталась успокоиться.

Давай, дыши. Твое отражение не может двигаться без тебя. Ну, привиделось. Привиделось же, да? Ты просто устала, заработалась. Давай, выдохни и иди собирай осколки зеркала.

Шагнув из угла, в который я шарахнулась, спасаясь от осколков, я присела на колени и дрожащей рукой взяла первый осколок. Вот, посмотри. Видишь – ничего. Твои руки, испуганные глаза. Собирай скорее. И спать, спать. Сон – лучшее лекарство. Вот отдохнешь и больше подобного не повторится.

Уже засыпая, я упорно прогоняла от себя образ шагающего ко мне отражения. Как хорошо, что я разбила зеркало раньше, чем она добралась до меня...

Утром ощущение страха стерлось, позабылось. Ну, действительно, мало ли, что мне с недосыпа привиделось. И вообще, чего зеркало разбила, надо новое покупать теперь. Торопливо собравшись, я попыталась найти забившегося вчера куда-то кота, но так и не дождалась. Ничего, выйдет к вечеру.

Второй раз это случилось в офисе. Точнее даже не так – в туалете. Я поправляла прическу, когда из соседней кабинки вновь вышла я. Вздрогнув, я торопливо обернулась. В реальности кабинка была закрыта. И за мной никого не было. Отражение тем временем шагнуло ближе, и я испуганно всмотрелась в ее торжествующую улыбку.

Ну, нет! Сейчас день! Я просто перегрелась в жару и теперь мне видится всякое! Ущипнув себя за руку, я подняла глаза, надеясь, что все исчезло.

Нет. Покачав головой, отражение презрительно ухмыльнулось и протянуло ко мне руки. Взвизгнув, я вылетела из туалета, захлопнув дверь.

Оно же не выйдет из зеркала? Да? А если выйдет? То есть мне вчера не показалось? О, боже...

За дверью раздались мерные шаги, и я похолодела от ужаса. Нет, нет! В дверь толкнулись, забарабанили, но я сильнее навалилась на нее спиной, совершенно не представляя, что делать дальше. Оно вышло... Надо было разбить зеркало, идиотка!

– Девочки, дверь заклинило! – послышался знакомый голос коллеги, и я отпрянула, наконец, выпуская ее.

– О-оль, привет, – я нервно глянула ей за спину, но ничего не увидела. – Ты там ничего не видела?

– Нет, – девушка нахмурилась. – А что?

– Да, кажется, расческу оставила, – соврала я и шагнула внутрь.

Пусто, тихо. Все кабинки закрыты. Перегрелась... Тихий стук привлек мое внимание. Зеркало шло рябью. Зажав рот рукой, я отпрянула назад – отражение махало мне рукой.

Офис я покидала в смятении, если не сказать ужасе. Сказалась больной и торопливо сбежала домой. Хотя, думаю, мне и врать то не пришлось. Мой бледный вид и испуг могли убедить кого угодно.

Уже по пути домой я с ужасом замечала, что по городу полно отражающих поверхностей. И что с каждой, мать вашу – каждой, на меня смотрят свои-чужие глаза. Внимательно, цепко, словно навесив мишень. Отражение не совершает каких-либо действий. Лишь смотрит – неот-

рывно, пронзительно. Словно на сегодня – хватит, достигло своей цели, заместив собой обычное отражение. Теперь нас снова двое – я и отражение, но от этого ни черта не легче.

Я бегу, буквально лечу, не оглядываясь и не останавливаясь. «Нельзя, нельзя, нельзя! – набатом звучит в голове, – домой, домой, домой! Там безопасно!». Страх разрастается в груди, сковывая дыхание так, что я почти задыхаюсь. Мне сигналият машины, когда я перебегаю дорогу. Чуть не сбили. Кажется, если меня не убьет отражение, это сделаю я сама.

Забившись в угол кровати, я прижала к себе вытащенного из угла кота и расплакалась. Было страшно. До ужаса страшно. Тело сотрясала крупная дрожь, а образ двойника никак не уходил из головы. Где я провинилась? Господи, боже, что я такого сделала?

Последнюю неделю я спала урывками, с включенным светом и котом под боком. Я научилась не оборачиваться на шепот зовущего меня отражения. Не вздрагивать, не кричать. Делать вид, что все в порядке. Успела понять, что никто кроме меня не видит живущего своей жизнью отражения. Что оно или реально, или у меня совсем едет крыша.

Я боялась зеркал, а они искали меня. Каждый день я ложилась спать с мыслью, что это дурной сон, и все наладится. И каждый день отражение подкарауливало меня на улице, напоминая о своем существовании. То ухмылкой, то презрительным взглядом, то попыткой дотянуться до меня сквозь стеклянную преграду.

Меня не хватило надолго. Жизнь превратилась в кошмар. Не поднимать глаз, не откликаться, не заговаривать. Я жила в постоянном страхе, засыпая, лишь трижды прочитав молитву и включив весь свет в квартире. Я медленно сходила с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.